

ЧЕЛОВЕКУ — МИР ОТКРЫТ!

РОЖДЕНИЕ

ЭТО ИЗВЕСТИЕ едва не добило директора театра юного зрителя. Директор почувствовал, что ему хочется подать заявление об уходе.

Мало того, что в театре все — сверху дном: ремонт недопустимо затянулся, никто, хоть плачь, не помогает,

строители выдают через час по чайной ложке; мало того, что душу точит старая, оставшаяся от прошлого в наследство задолженность государству в несколько тысяч рублей, которую как-то еще надо перекрывать; мало того, что в этих условиях собирает чемоданы режиссер, так он увозит за собой целую группу молодежи, и в их числе — ведущую актрису. Героиню, на плечах которой лежит весь репертуар!

Значит, летят все уже готовые и идущие спектакли. Театр можно закрывать. Ликвидируется тот минимум, без которого театр перестает быть театром, а директор — директором. А тут еще из Москвы приехал корреспондент театрального журнала — одно к одному...

Невидимые миру слезы. Зрителю — что? Тем более — юному, который и не знает, что такие потрясения существуют и что взрослые могут потихоньку поплакать от отчаяния, но с заявлением об уходе все-таки подождут, а соберут все имеющиеся в наличии силы и резервы, закроются в кабинете и начнут сообща выпутываться.

— Ну, что будем делать с «Красными дьяволятами»?

Дым стоял столбом в кабинете директора. Но ни один из советчиков не мог с ходу ответить на этот вопрос. Констатировали:

— М-да... На спектакль ребята валом валят... Романтика гражданской войны... Приключения...

— А Дуняшки нет. Ставить некого.

Помолчали. Затянулись.

Кто-то, безвыходно покаж плечами, негромко произнес:

— Ну, возьмите Иру Милованцеву. Про других актрис можно точно сказать — ни одна для Дуняшки не подходит. А про Милованцеву, по крайней мере, неизвестно: она же в театре без году неделя...

— В ней что-то есть... — вдруг медленно сказал директор.

Обсуждать тут было нечего, да и некогда. Спектакль был уже наполовину продан — и если уехала героиня, так при чем тут, в конце концов, дети, которые рвутся на спектакль?

Героиня, профессиональная актриса, когда-то работала над ролью деревенской девочки Дуняшки почти полтора месяца. Ире Милованцевой, «непрофессиональной», пришлось «вводиться» за несколько дней. Директор театра старался быть мужественным, думая о предстоящем спектакле.

...ничего сейчас не слышит, не ощущает, вся натянутая, как струна...

Фото Н. Шкулина.

Ира не все успела сделать до спектакля. Все — было бы мудро и с семью пядями во лбу; репетиции «проскочили» где-то в зале, без декораций; сцену ей, по существу, предстояло осваивать прямо на спектакле. Актёры подбадривали — театр, всякое бывает, чего и не перескажешь. Не она первая... «Батка Махно» по доброму подтрунивал, стараясь шуткой согреть холодеющую Ирину душу.

Тоненькая, стройная, Ира мигом набросила на себя бедное, в заплатах «дуняшкино» платье — после уехавшей героини, оно было ей широковато. Накладывала тон на лицо — уже собранная, решительная, готовая положить все силы, но вы-

ПОДЪЕМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАСС БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ ВЫДВИЖЕНИЮ НОВЫХ ТАЛАНТЛИВЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВ, МУЗЫКАНТОВ, АРТИСТОВ.

Из Программы Коммунистической партии Советского Союза.

полнить такой трудный и неожиданный долг перед товарищами, перед театром, — маленький, бесстрашный солдат искусства, — совсем такая же, как и ее Дуняшка — юный солдат революции...

Принято почему-то думать, что в такие трудные моменты человек вспоминает всю свою жизнь. Ире было не до того. Всю маленькую Ирину жизнь в эти минуты вспоминал директор, сидя в зрительном зале. Вспоминал, стараясь отыскать в этой ординарной биографии что-нибудь такое, что успокоило бы, заставило бы поверить.

Что было «за душой» у Иры Милованцевой?

В Казани она воспитывалась в детском доме. Как все, читала книжки, участвовала в художественной самодеятельности. Как все, пошла после седьмого класса в ремесленное. Закончила его токарем и уехала в Комсомольск.

Девчонкам пришлось нелегко на производстве. Зарабатывали мало. Но завод нравился токарю Ире, она часто заглядывала и в другие цехи, смотрела, как работают громадные мостовые краны. А потом и сама стала учиться на крановщицу, пока ей не дали в руки это красивое дело.

Ире нравилось проплывать над цехом и видеть сразу все станки, всех рабочих — они иногда кричали ей что-нибудь веселое, неслышное в шуме.

Вечерами — усталая, — она шла в Дзедгинский клуб. В клубе открылась самодеятельная театральная студия для рабочих, и Ира вернулась к искусству, которому в душе не изменяла с детства. А вскоре был создан и драматический кружок.

Алексей Антонович Скороходов любил людей, которые вот так, как она, тянулись к прекрасному и приходили за этим к нему, забывая об усталости, — что бы потом, с песней в душе, снова сесть за управление краном, встать к токарному станку и — снова вечером принести в студию живое дыхание труда. Знаток театрального дела и душ человеческих, он готов был отдать этим людям все свое умение и любовь.

В позапрошлом году драмкружок привез на краевой смотр в Хабаровск спектакль «Стряпуха». Он прошел на смотре успешно, и тогда же драмкружку единодушно присвоили звание народного театра.

К смотру прошлого года готовились уже с чувством некоторой профессиональной уверенности. Дерзнули: взяли за спектакль с образом Владимира Ильича Ленина — «Именем революции». Ире и еще одной ее подружке достались роли двух мальчишек.

Вечером, когда, отыграв его, шли девчата по хабаровским улицам, к ним присоединился один из хабаровских режиссеров.

— А вы не думали о профессиональном искусстве? — сразу начал он разговор. — Вам — прямая дорога. Вот слушайте: осенью у нас открывается театральное училище. Приезжайте на экзамены или — в наш ТЮЗ. Вам — прямая дорога, — повторил он.

И Ира приехала, не без сожаления расставшись с заводом и с товарищами. Конкурсные экзамены она прошла хорошо. Дело осложнялось тем, что одной стипендии было ей маловато — ведь Ире еще приходилось помогать дальним родственникам. Она должна была работать, и хабаровский ТЮЗ с удовольствием принял ее в штат. А руководство управления культуры, в порядке исключения, позволило студентке Милованцевой совмещать учебу с работой.

И все это только-только началось, и Ира была полна трепетной готовности шаг за шагом подниматься по ступенькам искусства, — как свалились ей на голову эти тревожные события, сразу потребовавшие от нее всего, что было «за душой».

...А махновцы уже вели связанную Дуняшку на казнь. Лицо у нее было измученное и бескровное, но глаза горели ненавистью, которая, кажется, могла прожечь до сердца. Но сердца не было у этих бандитов. Один из них на верху крутой тропинки забросил веревку на сук и накинуд Дуняшке петлю на шею.

Ребята в зале негодующе завопили.

Дуняшка была вся в ссадинах. Ребята даже не знали, что ссадины у нее настоящие: это так Ира Милованцева «осваивала» сцену. Но ясно, что она ничего сейчас не слышит, не ощущает, не видит — вся натянутая, как струна, вся накаленная событиями, вся полная страсти — не сдаться. Маленький бесстрашный солдат!

Директор всегда видел, как наивна эта старая, двадцатых лет, повесть. Но тут он почувствовал, что у него как-то странно зашипило в горле, и незаметно вышел из зала — гудящего, кричащего, размахивающего руками.

В антракте мальчишки прятались за колоннами и выскакивали оттуда с криком:

— Смерть бледнолицым собакам! — это были дуняшкины духовные братья.

— Послушайте, — сказал директору корреспондент столичного театрального журнала. — Мне положительно нравится эта девочка, ей-богу. Сколько правды! Какая целеустремленность! Давно она у вас?

Подошел заместитель по хозяйственной части, человек сугубо практический, и, как всегда, заговорил совсем не о спектакле.

— Ну, с этими строителями мы разделились. Обещали завтра прислать на ремонт бригаду коммунистического труда. Так что дело пойдет!

— Ищу вас, — попалась по дороге главный бухгалтер. — Я подсчитала, наконец, наши итоги за эти месяцы. Задолженность перекрыта. Прямо сама не ожидала — все выездные помогли... Правильно вы тогда...

Секретарша встретила директора с телеграммой в руке:

— Вот. Новый режиссер уже выехал. Теперь можно думать и о новых пьесах...

Положительно эта Ира Милованцева была прямо-таки «счастливой приметой».

Л. МАЛИНОВСКАЯ.

Зам. редактора
А. А. МИШИН.